

только что вышедшие книги из серии ЖЗЛ о Сергее Есенине с автографом автора и возвращаемся в общежитие. По пути, правда, прицениваемся к женским босоножкам в каком-то итальянском «комке», но узнаем цену в долларах, переводим в рубли, чешем затылок и едем дальше.

Пятое октября. Ярославский вокзал. Дорога домой. Последняя ночь в поезде перед Кемерово, долго не спится, засыпаем под утро. Но вскрое просыпаемся, я возвращаюсь из сна в нынешнее сиюминутное, которое потом, уверен, станет тоже вечным, и как хочется, чтобы это вечное поминали в будущем добром.

Виктор БАЯНОВ

КЕМЕРОВО — МОСКВА

Как отраден вагонный режим!
Мы ему повинемся строго —
Беззаботно лежим и лежим,
Как сурки — я, Борис и Серега.

Я старик. Мое место внизу.
А Серега, под крышею лёжа,
Болтывается, как на возу,
Но не ропщет. Ведь он помоложе.

Мы в восторге от быстрой езды,
Хоть езда и накладней полета —
Надо много в дорогу еды
Да опять же и выпить охота.

За столом никого не гвоздим,
В старых строчках не ищем изъяны.
Смыло, сдуло, как паловый дым,
Все вчерашние думы и планы.

И мужской наш тревожа уют,
Путь держа до Оки или Камы,
По вагону девахи снуют
И вальяжные шествуют дамы.

Ну и что!
Я совсем не жених.
А Сергей из-под встрепанной чёлки
С явной нежностью смотрит на них —
Ясно, что отлежался на полке.

Нас простор опьяняет, как спирт.
Но в пейзаже, для полного лада,
Нет сегодня комбайнов и скирд,
И осеннего позднего стада.

Не пугая ворон с проводов,
Сонной жизни являя примету,
Встречных нет грузовых поездов,
А обгонных тем более нету.

Мимо — кочки, осока и мох.
И уже городок недалечко,
Где когда-то я в дом один мог
Постучаться, взойдя на крылечко.

В прошлом — рифмы, любовь и борьба,
За круженьем житейского сора,
Как за мутным окном Бараба
И пустые степные озера.

Вот и ночь.
Далеки, далеки
Над Сибирью, над Русью самую
Еле-еле чадят огоньки,
Наступившей подавлены тьмою...

КОНСТАНТИНОВО

Угасший сад. Амбар. Плетневый лаз.
Здесь жил поэт, влюбляясь и мечтая.
Здесь без него семидесятый раз
Отговорила роща золотая.

Нет в доме песен, а в амбаре — ржи.
От сада прелью тянет и золою.
И только листья — желтые стрижи,
Летают над усадьбой нежилою.

Замшелый клен, состарясь под окном,
Устал клюкой ощупывать дорогу.
Он знал поэта. Он еще при нем
Однажды в стужу приморозил ногу.

И голову рябина о плетень
При нем еще разбила, будто спьяну.
И ей, совсем усохшей, по сей день
Никто бинта не наложил на рану...

Годов лавина откатила вспять —
Предстали те ж поля и перелески.
И мать поэта ждет его опять,
Раздвинув на окошках занавески.

Он строг и странен в этот свой приезд —
Как будто от дурной какой-то вести,
Ломает брови, плохо спит и ест.
И курит всё,
и не сидит на месте.

Далек, далек, хоть вот он, рядом, сын.
Его судьба ее томит и ранит.
Кто знает, из каких он палестин,
Когда теперь
и с кем домой нагрянет.

В глазах уж нету прежней синевы.
И кудри осеклись. Куда все делось!
Весь год в село хотелось из Москвы,
А из села скорей в Москву хотелось.

Хоть на неделю б у родни застрял,
У изб, лугов и мостиков горбатых.
Куда спешит и что он потерял
На всяких вражках, преснях и арбатах.

То в Питере мерещится покой,
То рвется сердцем к теплым южным
странам.

Недаром тонкий месяц над Окой
Висит кривым персидским ятаганом...

Все явственней навязчивый мираж:
Вот он оделся с тщательностью строгой.
Стянул шнурком суровым саквояж.
На лавочку присел перед дорогой.

Уже с крыльца — слова, обрывки фраз.
Прошел к калитке. Помахал знакомо.
Совсем не зная, что в последний раз
Перешагнул порог родного дома...

С тех пор холодный двор и ветхий сад
Хранят в глухом молчанье год от года
Последний вздох его,
Последний взгляд,
Последний миг последнего ухода.

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ РОССИИ

Как много поэтов, как мало пророков.. Провидение, ниспосланное свыше, дается, увы, единицам. Когда думаешь об этом, невольно вспоминаешь Лермонтова и, как ни странно, Есенина при всей, казалось бы, несхожести их поэтических судеб, космическим видением одного («Выхожу один я на дорогу») и божественной приземленностью другого («Отговорила роща золотая...», «Разбуди меня завтра рано...»).

В стихах Сергея Есенина нельзя не почувствовать жгучее желание выплеснуть свою любовь к России, ее истории и народу, к малой родине, наконец.

Его «Песнь о Евпатии Коловрате» написана совсем не случайно, ибо еще в ранней юности он читал и перечитывал «Слово о полку Игореве».

Ну и, конечно же, его стихотворения о любви. Можно было бы назвать не один десяток любовных признаний, потрясающих своей обнаженностью. Такой любовной лирики русская поэзия доселе не знала.

Но вот поэма «Анна Снегина». Мало кому интересны сейчас перипетии классовой борьбы того времени в деревнях Радово и Криуши, судьба братьев Оглоблиных. Для читательского восприятия все это, пожалуй, лишь фон, и не более. Однако поэма была и останется в русской поэзии гимном первой Любви, как утренний реквием отошедшей юности. Кто из нас, вспоминая такие годы, не испытывал щемящего чувства невозвратности и благодарности жизни за то, что подобное все же суждено было испытать, что была и у нас «девушка в белой накидке».

Есенин всей судьбой оплатил свое Божье предназначение русской земле.

Все посмертные домыслы о нем являются не более, чем словоблудием досужих литераторов. На метаниях и заблуждениях великого поэта приобретался и приобретается поныне литературный капитал тех, чье «творчество» не стоит и запятой есенинского стиха. Это сродни пошлому перетягиванию каната одними в сторону большевиков, другими — к патриархальности, анархизму, стихийности.

166

Они не желают узреть и осмыслить то, что именно посередине находилась болевая, критическая точка его душевного разлада с самим собою и страной, в которой ему суждено было нести свой Крест. Тем более, что родины, как оказалось, не было как таковой. Были Русь, Россия и была страна, не понятая до конца и пугающая безмерно.

И, пожалуй, не столь важно уже, ушел Поэт из жизни добровольно или стал жертвою чудовищного преступления, о чем все чаще пишется и говорится в последнее время. Дело, как мне думается, в другом. Муза Поэта оказалась на излете. И тот и другой исход можно считать вполне закономерным. И как тут не вспомнить снова Лермонтова. Тем более, что у таких гениев, как Есенин, поэтическое дыхание не могло быть достаточно долгим. Точку в личной трагедии Поэта поставила поэма «Черный человек» и огнюдь не стихи, написанные позже, в самом конце.

Нет и не будет в нашей литературе более русского поэта. Это поэт навсегда останется светлой печалью России.

АЛЕКСАНДР КАТКОВ

